

ПРОБЛЕМА АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА В КОНЦЕПЦИИ ПОЛЯ РИКЁРА

О. И. МАЧУЛЬСКАЯ

Проблемы философии языка, объяснения и понимания, перевода и интерпретации текстов являются ведущими темами философских размышлений выдающегося теоретика феноменологической герменевтики Поля Рикёра. Изложению своей позиции по этим вопросам философ посвятил книгу «О переводе»¹. В работе представлены тексты, написанные в 90-е гг. XX в.: «Дерзновение и счастье перевода», «Парадигма перевода», «Преодоление: переводить непере译имое». Сам автор имеет опыт переводческой деятельности: во время Второй мировой войны, находясь в немецком плену, он перевел на французский язык фундаментальный труд Э. Гуссерля «Идеи-1». Для Рикёра перевод является не просто изложением текста на другом языке, а особой миссией содействия диалогу культур, требующей от переводчика готовности «вживаться в чужой язык»², способности к «лингвистической восприимчивости»³. В интервью в связи с изданием на русском языке книги «История и истина» философ подчеркивает, что «перевод имеет глубокий духовный смысл, потому что способствует преобразованию различных этносов в единую цивилизацию, включающую в себя языки и культуры различных народов. Перевод служит делу объединения человечества»⁴.

Основной вопрос теории перевода

Практика перевода существует с древнейших времен, начиная с того периода, когда сформировавшиеся этнические группы, говорящие на разных языках, начинают взаимодействовать между собой. Как справедливо отмечает известный теоретик перевода А. Ван Оф, «изучение теории перевода равносильно изучению истории мира, истории цивилизации»⁵. Одними из первых сохранившихся письменных источников из области перевода являются комментарии Цицерона к переводу речей греческих ораторов и работа Горация «Поэтическое искусство». В Средние века наиболее значительным достижением в сфере переводческой деятельности можно считать переводы Библии и экзегетические рассуждения по истолкованию Священного Писания христианских богословов Тертуллиана, Августина, Абеляра, Фомы Аквинского.

Первые работы, посвященные собственно теории перевода, относятся к эпохе Возрождения. Следует особо отметить трактаты итальянского гуманиста Леонарда Бруни «Об искусном переводе» (1420), французского писателя и переводчика Этьена Доле «О спо-

собе правильно переводить с одного языка на другой, затем о пунктуации французского языка, а также о его ударениях» (1540), французского поэта и теоретика «Плеяды» Жоашена дю Белле «Защита и прославление французского языка» (1549). Важным событием в разработке теории перевода стали герменевтические изыскания Фридриха Шлейермахера, обосновавшего герменевтику как науку и написавшего работу «О различных методах перевода» (1818), в которой он сформулировал метод изложения текста, исходя из общих принципов интерпретации и понимания.

В XX веке, знаменовавшем наступление эры глобального обмена информацией, происходит колоссальное расширение переводческой практики и соответственно значительно возрастает интерес к исследованиям в сфере теории перевода. Интенсивно ведутся исследования в области языкознания, философии языка, аналитической философии, герменевтики. Формируются новые философские учения: лингвистический анализ, структурализм. Возникают особые научные дисциплины: социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, технология машинного перевода. Прогресс наук о языке связан с именами таких выдающихся теоретиков, как Ф. де Соссюр, Ж. Лакан, К. Леви-Строс, Р. Барт, Р. Якобсон, Н. Трубецкой, М. Бахтин. Развивается переводоведение как научная дисциплина, к наиболее ярким представителям которой относятся М. Баляр, Ж. Делиль, Э. Кари, М. Ледерер, Ж. Мунен, А. Нойберт, Ю. Найда, А. Ван Оф, Д. Стейнер.

Многовековая история изучения перевода охватывает широкий круг проблем исследования языка как средства коммуникации, анализа процедур понимания и интерпретации текстов, рассмотрения законов мышления и способов выражения вербальных сообщений, разработки практических методов преобразования исходного текста в аналогичный текст на другом языке. Если обобщить этот богатый опыт размышлений, можно сформулировать своего рода фундаментальный вопрос теории перевода. Это вопрос о возможности абсолютно эквивалентного или, по крайней мере, полноценного перевода текста, адекватным образом передающего смысловое содержание оригинала, сохраняющего основные элементы его структурно-лингвистического выражения и исчерпывающе воспроизводящего его функциональное назначение.

Ряд исследователей, среди них — Р. Якобсон, К. Ажеж, В. Беньямин — отстаивают идею потенциальной выполнимости адекватного перевода, поскольку теоретически «весь познавательный опыт... можно выразить на любом существующем языке»⁶. С их точки зрения диапазон возможностей всякого языка достаточно богат, а смысловую неполноту перевода следует объяснять наличием

в принципе преодолимых трудностей поиска эквивалентных средств выражения содержания оригинала на языке перевода.

Другие ученые, такие как Ж. Мунен, Д. Стейнер, В. Ли Вхорф, Э. Сапир, В. Комиссаров, настроены более скептически и заявляют об изначальной «презумпции непереводаемости» и о неизбежных потерях содержания при переводе текста по причине неустранимой языковой асимметрии. Как отмечает один из ведущих французских исследователей перевода Ж. Мунен в книге «Теоретические проблемы перевода», если лексические, морфологические и синтаксические структуры языков совпадают лишь в незначительных аспектах, то теоретически эквивалентный перевод невозможен и в этом отношении «можно утверждать, что существование перевода является скандалом для современной лингвистики»⁷.

«Соппротивление переводу»

Поль Рикёр критически оценивает утверждение о полной открытости смысла текстов и возможности абсолютно эквивалентного перевода. Он призывает «отказаться от идеала совершенного перевода»⁸. Философ приходит к выводу о существовании неизбежного «сопротивления переводу»⁹ в процессе взаимодействия языков и культур. Обращаясь к работе А. Бермана «Опыт пребывания в чужом языке», он говорит о наличии двух модальностей такого сопротивления: 1) сопротивления переводу со стороны текста и 2) сопротивления со стороны языка перевода. При этом, как подчеркивает Рикёр, человечеству присуще неустранимое желание переводить, обусловленное жадой познания и духовного обмена.

Теоретик герменевтики всесторонне анализирует причины трудностей перевода как в плане языкознания, так и в философском плане. Вслед за В. фон Гумбольдтом он называет исходной причиной сложностей перевода неизбежную гетерогенность исторически сложившихся языков разных народов. По мнению Рикёра, эта изначальная лингвистическая разнородность проявляется следующим образом. Существуют фонетические и артикуляционные различия, препятствующие пониманию. Гетерогенны морфологические и синтаксические системы. Специфичен грамматический строй каждого языка. Так, в частности, поясняет философ, система глагольных времен в различных языках формируется по-разному. Существуют языки, в которых положение действия во времени не указывается, но делается акцент на его завершенности или незавершенности. В некоторых языках отсутствует система глагольных времен, а последовательность событий обозначается посредством обстоятельств времени. Грамматический строй языка способен влиять на мировоззрение. Рикёр ссылается на распространенное

мнение исследователей о том, что ориентация древнегреческой философии на проблемы онтологии (размышления о природе бытия и началах всего сущего) объясняется двойственной функцией глагола «быть» в греческом языке: с одной стороны, этот глагол выполняет роль связки между субъектом и предикатом, с другой стороны, — выражает понятие бытия. Все это требует значительной структурной трансформации речевого сообщения при переводе. Специфичен и концептуальный строй каждого языка. Не тождественны системы понятий, составляющих лексический запас того или иного языка, поскольку не совпадают их семантические поля, различаются синонимические группы, не соответствуют контексты. В результате возникает языковая полисемия. И таким образом «каждый раз смысл слова зависит от его употребления... именно контекстом обусловлен тот смысл, который приобретает конкретное слово при определенных обстоятельствах дискурсивного акта»¹⁰. Философ приводит в качестве иллюстрации французское слово «le bois». Это слово имеет во французском языке несколько значений: это — небольшой лес, роща, и одновременно — древесина как материал или дрова как топливо. В других языках эти понятия могут быть выражены не одним, а разными словами, относящимися к неидентичным семантическим рядам.

Согласно Рикёру, в процессе перевода помимо собственно лингвистических трудностей возникают проблемы, связанные с задачей сохранения концептуального содержания текста. Автор высказывания подразумевает определенный смысл, требующий адекватного понимания со стороны рецепторов речевого сообщения. И в результате переводчик сталкивается с противоречием, сформулированным в XIX в. Ф. Шлейермахером в работе «О различных методах перевода». Как объясняет немецкий философ, для того, чтобы читатели сумели осознать смысл переводимого текста, «они должны проникнуться духом языка писателя, им необходимо воспринять его образ мыслей и чувств»¹¹. И в этой ситуации мы оказываемся перед непростым выбором. «Либо переводчик делает все возможное, чтобы оставить в покое писателя и продвигает читателя ему навстречу, либо он делает все возможное, чтобы оставить в покое читателя, и продвигает писателя ему навстречу. Эти два пути настолько различны, что встав на один из них, нужно пройти его до конца со всей возможной строгостью. От попытки пройти оба пути одновременно можно ожидать лишь самых сомнительных последствий, поскольку в этом случае существует опасность, что писатель и читатель вообще не встретятся»¹². Либо переводчик стремится максимально точно воспроизвести оригинал на языке перевода, делая его тем самым недостаточно понятным для читателя, либо

он творчески воссоздает произведение в контексте своего времени и своей родной культуры в ущерб соответствию перевода первоисточнику. С точки зрения Рикёра, переводческая деятельность прежде всего должна основываться на методах герменевтического анализа мировоззрений различных народов, культур, исторических эпох, социальных групп. Таким образом, заключает он, «задача переводчика состоит не в том, чтобы продвигаться от слова к фразе, к тексту, к культурному ансамблю, а, наоборот, в том, чтобы, проникнувшись широким спектром интерпретаций духа конкретной культуры, идти от текста к фразе и к слову»¹³.

Особое внимание теоретик герменевтики уделяет вопросу о переводе философских текстов. В своем интервью к изданию в России книги «Память, история, забвение» он характеризует эту сферу переводческой деятельности следующим образом. «Философский перевод сопровождается рядом специфических проблем, что еще больше усложняет работу переводчика. В философии слова несут колоссальную смысловую нагрузку. Философские термины обладают особыми исторически развивающимися значениями. Я приведу в качестве иллюстрации слово “логос” (“logos”), которое является фундаментальным понятием в мировой философии. Это слово употреблялось огромным количеством авторов, и при этом его смысл не был однозначным. В данном случае проблема заключается не столько в эквивалентности терминов в определенных контекстах, сколько в представляемой этим словом ретроспективе исторической эволюции смысла»¹⁴. Кроме того, как считает Рикёр, философские термины, как правило, не изобретались, а были заимствованы из литературного языка. Общеупотребительные слова в философии приобретают специфическое значение. «Возьмем, к примеру, — продолжает мыслитель, — очень часто встречающееся во французском языке слово «être». Слово «être» означает «быть», «существовать», «являться», «представлять собой» и одновременно — «бытие», «существо», «предмет», «вещь», «объект». Обыденные слова становятся философскими терминами, когда с их помощью авторы выражают философские проблемы. Крайне трудно восстановить концептуальные рамки многих понятий, смысл которых на первый взгляд кажется вполне определенным. Такие слова, как «идея» («l'idée»), «феномен» («le phénomène»), «представление» («la représentation»), «видимость» («l'apparence»), имеют специфическое значение в различных философских учениях»¹⁵.

Возможен ли совершенный перевод?

Итак, рассуждает Рикёр, философия и лингвистика оказываются перед лицом фундаментальной проблемы: возможен ли совершен-

ный перевод? Если исходить из того, что между языками различных народов существует непреодолимое несоответствие, а «совокупность мировоззренческих представлений, свойственных носителям одного языка, оказывается чуждой и непонятной для носителей другого языка, чьи отношения с миром выглядят иначе»¹⁶, то тогда остается лишь констатировать, что «взаимное непонимание между людьми является нормой, что перевод теоретически невозможен»¹⁷. Таким образом, мы сталкиваемся с противоречием. С одной стороны, задача выполнения абсолютно точного перевода не может быть реализована, с другой стороны, перевод существует вопреки всему. История демонстрирует многовековой опыт межязыковой и межкультурной коммуникации посредством перевода.

Рикёр предлагает свое собственное неординарное решение этой проблемы: он постулирует возможность перевода. Подобно И. Канту, обосновавшему мораль исходя из практического подтверждения существования свободных нравственно автономных поступков, теоретик герменевтики объявляет о наличии практического доказательства выполнимости перевода: «...поскольку перевод существует, необходимо чтобы он был возможен. А если он возможен, то это означает, что за разнообразием языков находятся некие скрытые структуры, и в них либо присутствуют следы утраченного исходного языка, который нужно вновь обрести, либо а priori заключены универсальные или, как принято говорить, трансцендентальные коды, которые мы должны суметь восстановить»¹⁸.

В мировой культуре предпринимались попытки создать универсальный, совершенный, понятный всем народам язык, способный стать всеобщим средством коммуникации. Сторонники этой идеи предлагали либо вернуться к изначальному общему праязыку человечества, признаки которого прослеживаются в большинстве современных языков, либо выявить в совокупности естественных исторически сложившихся языков общие структуры трансцендентального характера и на их основе создать новый универсальный язык. Одним из первых эту идею высказал Лейбниц, призывавший разработать единую для всех языков лексическую систему и свод конструктивных грамматических правил. По этому пути шли такие мыслители, как Ф. Шлейермахер, В. Беньямин и У. Эко, стремившиеся очистить живые языки от присущих им логических и лингвистических недостатков и создать всеобъемлющий, совершенный, точный и выразительный язык. В логике А. Н. Хомский и его последователи работали над созданием искусственного эффективного формализованного языка. По мнению Рикёра, эта задача осталась нерешенной по двум причинам. Во-первых, формирование лексической базы универсального языка предполагает полное соответ-

ствие между знаком и объектом, а в широком смысле, между языком и мировоззрением различных народов, что невозможно. Во-вторых, универсальный язык должен стать общезначимым и самодостаточным для носителей разнообразных естественных языков. Однако нереально формализовать и регламентировать неисчерпаемое богатство человеческой мысли, выраженное посредством многочисленных постоянно развивающихся живых языков.

Таким образом, философ приходит к следующему выводу. Абсолютно эквивалентный перевод, полностью и без искажений воспроизводящий текст оригинала, практически невозможен. Совершенный перевод предполагает максимально точное, но неидентичное преобразование исходного сообщения на переводящем языке. Однако для обоснования герменевтической концепции перевода необходимо постулировать принцип выполнимости эквивалентного перевода. Задача духовного обмена между различными культурами требует теоретического допущения возможности абсолютного перевода. При этом «полноценный перевод непременно предполагает презумпцию эквивалентности»¹⁹. Понятие эквивалентности здесь отнюдь не означает наличие формального соответствия оригинала и перевода. Напротив, буквальное воссоздание на иностранном языке текста автора фактически извращает содержание сообщения и является неадекватным. Совершенный перевод — это «эквивалентность без идентичности»²⁰, — поясняет Рикёр. «Не существует абсолютного критерия... полноценного перевода»²¹. Если все же гипотетически предположить наличие подобного критерия, то таким ориентиром следовало бы считать «тождество смысла»²². Поэтому, заключает философ, нам следует отказаться от «умозрительной дилеммы: переводимость — непереводимость текста и заменить ее практической дилеммой: верность — неверность первоисточнику»²³. Рикёр предлагает придерживаться формулировки Д. Дэвидсона по вопросу о перспективах перевода: «hard — easy» («трудно — легко»). Согласно американскому философу-аналитику, если теоретически перевод представляется трудновыполнимой задачей, то практически эта работа успешно осуществляется, хотя сомнения относительно точности перевода неизбежно остаются.

Идеи Рикёра по данной проблеме созвучны основным положениям современного языкознания. Большинство исследователей отмечают сложность и неоднозначность понятия лингвистической эквивалентности. Теоретики переводоведения предлагают многоплановые модели эквивалентности, позволяющие выделить структурный, семантический, функциональный, прагматический, эстетический и иные уровни соответствия оригинала и перевода. Некоторые авторы вводят специальные термины для обозначения

ния возможных критериев эквивалентности. В их числе понятие формальной эквивалентности как сохранения формы и содержания исходного текста и понятие динамической эквивалентности как воссоздания динамической связи между автором и получателем сообщения (Ю. Найда). Используются также понятие семантико-стилистической эквивалентности как сохранения содержания и понятие функционально-прагматической эквивалентности как пригодности для выполнения конкретной цели (Г. Егер). Многие ученые настаивают на необходимости разграничения эквивалентности как тождественности оригинального и переведенного текстов и адекватности как полноценности перевода (Р. Якобсон, Ж. Мунен, Д. Стейнер). В целом исследователи солидарны в том, что основным критерием совершенного перевода является его адекватность, т. е. исчерпывающая передача смыслового содержания подлинника путем воспроизведения его характерных особенностей на переводящем языке или создания средствами иностранного языка равноценного текста, выполняющего аналогичную коммуникативную задачу.

Понимание и интерпретация. Этический смысл перевода

Рикёр признает наличие неизбежного «разрыва между адекватностью и эквивалентностью»²⁴ и предупреждает об опасности «эквивалентности без адекватности»²⁵. Поскольку «не существует абсолютного критерия хорошего перевода»²⁶, нам следует «стремиться лишь к относительной равноценности источнику»²⁷, искать и экспериментировать, приближаясь к цели упорным трудом. Философ вводит понятия внутреннего и внешнего перевода. Внешний перевод предполагает преобразование иностранного оригинала в текст на языке перевода. Под внутренним переводом подразумевается рефлексия над текстом в рамках одного языка. В этом аспекте перевод следует рассматривать как «работу языка над собой»²⁸, как стремление языка к самоосмыслению²⁹. Поэтому Рикёр часто обращается к высказыванию Гельдерлина, призывавшего изучать все родное как иностранное. Благодаря переводу мы не только осваиваем мир иностранного языка, но и открываем дополнительные ресурсы родного языка, перевод позволяет нам «расширить горизонты собственного языка»³⁰.

Неординарность подхода французского мыслителя заключается в том, что он предлагает собственную концепцию перевода с позиций теории интерпретации. Если для исследователей-лингвистов вопрос о возможности адекватного перевода является центральным, то для Рикёра данная проблема становится отправным пунктом для построения в контексте герменевтики фундаментальной фило-

софской системы, при которой перевод рассматривается в качестве одного из этапов общего процесса коммуникации. Перевод представляет собой деятельность в двух направлениях. С одной стороны, это лингвистическая работа по трансформированию вербального сообщения, изложенного на одном языке, в высказывание на другом языке. С другой стороны, это осуществление процедур понимания и интерпретации текстов.

Французский философ часто ссылается на тезис Д. Стейнера, автора книги «После Вавилона», утверждавшего, что понять — значит перевести. Исследование проблем понимания, разработка методологии истолкования текстов в условиях многообразия языков, культур и интерпретаций являются главными задачами герменевтики. Понимание как искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и воспринимаемых другим сознанием посредством внешнего выражения, преследует цель проникнуть в основную интенцию знака. Операция понимания осуществляется путем воспроизведения творческого процесса исходя из зафиксированных в письменной форме знаков. В действительности значения достаточно автономны, а позиция воспринимающего дискурс субъекта носит активный и личностный характер. Кроме того, текст представляет собой не просто линейную последовательность фраз, а такую структурированную целостность, которая всегда может быть создана несколькими различными способами. «В этом смысле множественность интерпретаций и даже конфликт интерпретаций являются не недостатком или пороком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации; здесь можно говорить о текстуальной полисемии точно также, как говорят о лексической полисемии»³¹, — поясняет философ. Такие теоретики восприятия текста, как Соссюр, Якобсон, Яусс продемонстрировали, что вопрос об интерпретации дискурса всегда остается открытым. Как подчеркивает Рикёр, в мире живых языков любой текст всегда читается и воспринимается по-разному. Замысел автора частично ускользает от читателя, предлагающего свою собственную трактовку прочитанного, а текст обладает своего рода семантической автономией. Постижение искусства понимания дискурса является миссией философии. Нужно «больше объяснять, чтобы лучше понимать»³², — провозглашает он.

С точки зрения Рикёра, перевод не просто выполняет служебную функцию, он играет значимую роль в процессе коммуникации. Перевод и проникновение в иную культуру содействуют формированию образа «другого», необходимость которого обосновывали Платон и Гуссерль. Наличие «другого» является не только обязательным фактором коммуникации, но и условием ее интересубек-

тивного и творческого характера. Ради других — собеседников говорящий субъект дает объяснения, предлагает новые формулировки, пытается сказать то же самое иначе. Платон продемонстрировал это с помощью фигуры софиста, показав, что нужно уметь не только выразить то же самое иначе, но и сказать нечто иное по отношению к тому, что уже есть. Благодаря переводу текст обретает новую жизнь, и одна культура получает возможность взглянуть на созданные ее представителями произведения с позиций другой культуры. Следовательно, перевод — это «творческое овладение... со стороны переводящего языка»³³ текстом-оригиналом, способствующее плодотворному переосмыслению интеллектуальных ценностей и обогащению духовного потенциала человечества.

Переводческая деятельность, считает Рикёр, имеет глубокий этический смысл. Помимо высокой лингвистической компетенции и всестороннего знания предмета, о котором идет речь в тексте-оригинале, от переводчика требуется открытость и толерантность по отношению к инородному, способность вживаться в чужую культуру во имя взаимного духовного обмена. Переводчик должен обладать особым даром, который философ называет «языковым радушием»³⁴, предполагающим, что «удовольствие пребывания в языке другого равносильно удовольствию принимать у себя, в своей родной языковой среде иностранную речь»³⁵. Перевод является необходимым условием взаимного признания различных культур. Процедура признания позволяет субъектам, участвующим в коммуникации, оценить достоинства другой культуры, осознать собственные способности и достижения, что повышает самоуважение и нравственную ответственность отдельных сообществ и человечества в целом. «И раз жизненная реальность такова, будем переводить!»³⁶ — заключает Рикёр.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Ricœur P. Sur la traduction.* — Paris: Bayard, 2004.

² Рикёр П. История и истина. — СПб., 2002. — С. 9.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: *Гарбовский Н. К.* Теория перевода. — М., 2004. — С. 19.

⁶ *Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // *Якобсон Р.* Избранные работы. — М., 1985. — С. 364.

⁷ *Moulin G.* Les problèmes théoriques de la traduction. — Paris, 1963. — P. 8.

⁸ *Ricœur P.* Sur la traduction. — P. 16.

⁹ Ibid. — P. 11.

¹⁰ Ibid. — P. 47.

¹¹ *Schleiermacher F.* Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens. Bilingue allemand-français. — Paris, 1999. — P. 44.

¹² Ibid. – P. 48.

¹³ Ricœur P. Sur la traduction. – P. 56.

¹⁴ Рикёр П. Память, история, забвение. – М., 2004. – С. 10 – 11.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ricœur P. Sur la traduction. – P. 28 – 29.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. – P. 29.

¹⁹ Ibid. – P. 60.

²⁰ Ibid. – P. 40.

²¹ Ibid. – P. 60.

²² Ibid.

²³ Ibid. – P. 26.

²⁴ Ibid. – P. 19.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. – P. 40.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. – P. 52.

²⁹ Н.С. Автономова обосновывает концепцию перевода как особой формы не-классической рефлексии языка и культуры в книге «Познание и перевод. Опыты философии языка». – М., 2008.

³⁰ Ricœur P. Sur la traduction. – P. 39.

³¹ Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995. – С. 8.

³² Там же. – С. 18.

³³ Ricœur P. Sur la traduction. – P. 66.

³⁴ Ibid. – P. 20.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. – P. 37.

Аннотация

В статье рассматривается концепция перевода Рикёра. Анализируются проблемы гетерогенности языков, разнообразия культур и множественности интерпретаций в качестве причин трудностей перевода. Обосновываются понятия смысловой адекватности и коммуникативной функциональности перевода в качестве критериев его верности оригиналу.

Ключевые слова: П. Рикёр, герменевтика, перевод, адекватность перевода, понимание, интерпретация.

Summary

The article considers the Ricœur's concept of translation. The author analyzes the Problems of heterogeneity of languages, the variety of cultures and the plurality of interpretations as the reasons of difficulties of translation. She also substantiates the concepts of semantic adequacy and communicative functionality of translation as criteria of its correctness to the original.

Keywords: Ricœur, hermeneutics, translation, adequacy of translation, comprehension, interpretation.